

*ГАВРИКОВ Виталий Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Автор 95 научных публикаций**

ЛЕСКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ЭТИМОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.С. ВЫСОЦКОГО

Ложная, или народная, этимология часто используется в художественной литературе для создания образа персонажа. Особенно насыщены примерами народной этимологии произведения Н.С. Лескова: слова из народного обихода позволяют писателю создать неповторимый колорит живой речевой стихии. В XX веке к данному явлению обращался В.С. Высоцкий – один из ярчайших представителей авторской песни. Во многом это было связано с особенностями поэтики Высоцкого: концертное бытование лирики поэта, ориентация на диалогичность, активное использование форм ролевой лирики. В статье рассматриваются случаи употребления Высоцким слов, соотносимых с народной этимологией, и явления, близкие к данному феномену. Указывается, что поэт работает с лексикой, используя продуктивные модели трансформации иноязычных слов, задействуя при этом три способа изменения лексем: модифицирование звукового облика без семантических потенций, собственно народноэтимологическая обработка и создание окказионализмов на базе иноязычных слов. Чаще всего слова, соотносимые с народной этимологией, встречаются в «сказовых» песнях Высоцкого: здесь для создания субъектной надстройки используются речевые особенности ролевого героя. Однако есть случаи употребления народноэтимологических слов и в других контекстах: в сказках и произведениях, где лирическое «я» биографически близко автору. Важной проблемой является отражение народноэтимологических изменений лексем в издательской практике. В текстологии Высоцкого пока не выработано четких критериев включения/невключения в печатные сборники речевых особенностей (т. е. звуковых фактов) концертных выступлений поэта.

Ключевые слова: В.С. Высоцкий, Н.С. Лесков, текстология Высоцкого, народная этимология, окказионализмы, «сказовость», «устный рассказ».

*Адрес: 241050, г. Брянск, ул. Горького, д. 18; e-mail: yarosvettt@mail.ru

Для цитирования: Гавриков В.А. Лесковские традиции народной этимологии в творчестве В.С. Высоцкого // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 3. С. 103–110. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.103

Ложная, или народная, этимология – одно из интереснейших явлений как лингвистики, так и литературоведения, занимающихся речевыми характеристиками персонажей. В чем же причина возникновения этого явления в живой языковой среде? К.И. Чуковский в книге «От двух до пяти» отмечает: «Русский человек, хозяин своего языка, не потерпит, чтобы в этом языке звучали неживые слова, корня которых он не может понять и почувствовать. Ему нужно, чтобы в самом звуке был смысл. Каждое слово подчиняет он своей собственной логике, причем, стремясь к осмыслению слова, он тем самым русифицирует его» [1].

Таким образом, народное сознание, в т. ч. и детское, выступает в качестве мощнейшего преобразующего механизма, который перерабатывает все инородное, адаптирует его под свои понятия и нужды. Этот процесс бесконечен, и сегодня мы тоже наблюдаем, как в народном сознании трансформируется, например, англоязычная, в первую очередь компьютерная, лексика: «click» (нажатие на клавишу) преобразуется в русское «покликать», «e-mail» (электронная почта) превращается в «мыло» и «Емелю».

К этому также следует добавить два способа адаптации: смысловую и чисто фонетическую. Народ не всегда извлекает из узуальных иноязычных лексем нечто осмысленное – подчас просто произносит то, что привычнее его артикуляционному аппарату. Например, вместо «радио» – «радиво», поскольку слова с двумя гласными подряд русскому языку непривычны.

Жанром, более других насыщенным народно-речевыми элементами, является сказ, т. к. источником художественной речи здесь оказывается, как правило, персонаж из народа. Сказ подразумевает сохранение в т. ч. и фонетических особенностей «ролевого героя». Б.М. Эйхенбаум подчеркивает, что в сказе «речевая мозаика, постановка лексики и голоса являются главным организующим принципом. Это жанр отчасти лубочный, отчасти антикварный. Здесь царит “народная этимология” в самых “чрезмерных” и эксцентричных формах» [2]. По определению В.В. Виноградова, сказ – это «художественная

ориентация на устный монолог повествующего типа, это художественная имитация монологической речи» [3, с. 49].

Н.С. Лесков был не первым, кто в своем творчестве обратился к ложноэтимологической обработке иноязычных заимствований, проводимых народным сознанием. Однако именно для Лескова художественное выражение этих процессов стало своеобразной визитной карточкой. Особенно изобилует примерами народной этимологии знаменитый сказ «Левша» (среди таких «переделок» можно назвать следующие: клеветон, мелкоскоп, Твердиземное море, Аболон Полведерский и т. д.). По мысли Эйхенбаума, «то, что простой филолог назовет “народной этимологией” (“мелкоскоп” или “буреметр”) и определит как искажение иностранных слов, окажется в руках Лескова предметом любования и “чрезмерной” игры. Так получается то, что я назвал художественным филологизмом» [2].

Массив научной литературы, так или иначе связанной с народной этимологией в творчестве Н.С. Лескова, весьма обширен: назовем, в частности, работы Н.С. Антошина [4], А.А. Горелова [5], Б.С. Дыхановой [6]. Однако подробно на этом вопросе мы не останавливаемся. Переходя собственно к предмету рассмотрения, отметим, что исследования, посвященные традициям народной этимологии у В.С. Высоцкого, отсутствуют, по крайней мере мы их не обнаружили. Косвенно этого вопроса касался В.П. Изотов, но он работал в первую очередь с окказионализмами Высоцкого. Кроме того, есть две статьи по теме «Лесков и Высоцкий», появившиеся относительно недавно. Это труды В.П. Скобелева [7] и Б.С. Дыхановой [8]. Таким образом, сформированной традиции изучения данного вопроса пока нет.

В.П. Скобелев анализирует «ироническое “двухголосое слово”» Высоцкого, т. е. особенности его ролевой лирики, через призму «сказовости». В фокусе внимания исследователя следующие тексты: «Про дикого вепря» (1966), «Песенка про козла отпущения» (1971), «Мишка Шифман» (1972), «Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме» (1974). Народную этимологию автор не рассматривает.

Похожий ракурс наблюдается в работе Б.С. Дыхановой. Она указывает на то, что Высоцкий нередко «передает слово субъекту лирического высказывания, воплощающему в речевом поведении иной, чем авторский, тип сознания» [8, с. 3], и справедливо связывает эту особенность со «сказовостью». Дыханова останавливается на тематических соотнесениях текстов Высоцкого и Лескова, характеризует ментальности героев, но не упоминает о народной этимологии. Через призму сказа в статье рассматриваются также тема патриотизма, совмещение пространственно-временных пластов и ряд других моментов.

Что же касается собственно народной этимологии у Высоцкого, то, перед тем как перейти к конкретным примерам, мы хотели бы сказать о сложностях, которые возникли при отборе и анализе материала.

Первая из них связана с тем, что в известных нам поэтических сборниках В.С. Высоцкого нет единообразия во включении/невключении того или иного народноэтимологического варианта. И здесь возникает вопрос: до какой степени необходимо погружаться в фонограмму, приводя такие речевые варианты, как «дебёшь» вместо «дебош», «энтот» вместо «этот»? На практике оказывается, что эти особенности устных выступлений в одном случае отображаются в печати (например, «совейский»), в другом – нет (например, «стервинги»).

Сначала необходимо договориться о единообразии. Наверное, в тех случаях, когда замена семантически значима, ее необходимо оставлять. Но как объективировать эту значимость? Подобных звуковых фактов у Высоцкого бесконечное множество. Он может распевать «на народный манер» окончания – вместо «берега пологие» отчетливо произносить «берега пология». Это прозрачная отсылка к архаическому коду. Значим ли такой «жест»? Разумеется. Высоцкий, делая рифму точнее, может преобразовать слово так, как носители языка обычно не поступают. Например, он поет, неграмматически склоняя слово «сто» («только по сту пью»), для того, чтобы оно в сочетании с другими словами идеально коррелировало со словом «поступью».

Итак, до какой степени нужно углубляться в произносительное своеобразие? Надо ли, например, давать «ля» вместо «ли», если это звучит на фонограмме («то ля бык, то ля тур»)? Это очень сложный вопрос, требующий всестороннего обсуждения. Пожалуй, тут может помочь глубокий текстологический анализ, сопряженный с анализом, условно говоря, художественным. То есть необходимо понять, насколько важен данный звуковой факт для смыслообразования, ритмообразования и рифмообразования. При этом некоторые факты, переведенные в графику, все равно останутся за пределами традиционного, изданного текста. Как указать, например, не используя специальных знаков, на мягкое пропевание звуков в сочетании «каф'е Гранд-от'ель»? А ведь название кафе рифмуется со словом «оттель» (равнозначным, по В.И. Далю, слову «оттелева»). И это, безусловно, уже значимый с точки зрения рифмообразования факт, который тоже надо как-то учитывать.

При анализе народноэтимологических слов у Высоцкого возникает вторая сложность: заключается она в самой дефиниции понятия «народная этимология». Где граница между окказионализмом и фактом народной этимологии? Как понять, подслушал ли Высоцкий свои «свервинги» в толпе или же придумал, используя продуктивные модели? Очевидно, что установить это невозможно. Однако очертить рамки применимости термина необходимо.

В дальнейшем мы будем рассматривать в качестве народноэтимологических передельные иностранные слова, которые должны быть непонятны «простому народу». Еще одним важным маркером становится «сказовый» характер тех песен, где такие слова встречаются. Иными словами, если это случай ролевой лирики, когда артист вживается в кого-то из своих героев, то исследуемые речевые факты с большим основанием могут быть отнесены к примерам народной этимологии.

Кроме того, не всегда измененные иноязычные лексемы оказываются именно в «сказовых» песнях. И это тоже предмет отдельной дискуссии,

т. к. появление подобного «антуражного» слова в относительно нейтральном лексическом контексте говорит о том, что мы имеем дело с «двухголосым словом», с изменением субъектной структуры. То есть появление элемента «народной речи» есть важный субъектный маркер, указывающий на то, что в тексте появляется кто-то «другой». Получается, что стихотворение на бумаге прочитывается в одном смысловом регистре, а при произнесении заметно меняет свой семантический «облик».

При этом Высоцкий, конечно, не единственный представитель песенной поэзии, обращавшийся к подобного рода речевой игре. У поющих поэтов первого ряда, таких как, например, А. Галич и А. Башлачев, проявляются те же особенности. Было бы интересно исследовать традицию применения народной этимологии как специфического приема песенной поэзии второй половины XX века. Возможно, причиной здесь будет схожая картина мира, являющаяся своеобразной производящей матрицей идиопозитики: «Формирование общей для всех адептов течения миромодели может служить тем базисом, который порождает новую эстетическую стратегию, влекущую за собой изменение конкретных приемов литературного письма» [9, с. 218]. Но эта сверхзадача выходит за пределы настоящего исследования.

Обратимся к примерам, но сразу отметим, что при работе с песнями Высоцкого мы ориентировались на фонограммы, лишь иногда используя подготовленные текстологами печатные сборники¹. Одними из наиболее релевантных аудиозаписей считаются сделанные М. Шемякиным в Париже (1975–1980). Примеры народной этимологии у Высоцкого мы брали в первую очередь из этого источника. Однако многие звуковые (произносительные) факты повторяются от фонограммы к фонограмме, образуя четкую систему сценической обработки текста. Важным источником для нас оказался № 67 журнала «Горизонт»², целиком

посвященный прозаическим «сказам» («устным рассказам») Высоцкого. Расшифровку записей проводил А.Б. Семин, один из самых авторитетных высокоцковедов и, в частности, текстологов. С данных «рассказов» и начнем.

По содержанию и речевой манере «устные рассказы» явно тяготеют к «сказовости»: здесь поэт вживается в некоего «другого», о чем свидетельствует не только фонетика и лексика, но и сюжет. Текст «В ресторане-2» имеет два интересных нам слова: «офисиант» и «оффиссан». И если первая лексема вряд ли является в чистом виде народной этимологией (вероятно, здесь просто произносительная игра), то вторая может быть обусловлена неблагозвучностью сочетания «ссан», имеющего известные звуковые соотношения. Обратим внимание и на то, что ложноэтимологической редукции подвергается одно из ключевых слов произведения, а это существенно корректирует восприятие как текста в целом, так и ролевого героя: «...повторяющиеся концептуальные фразы могут быть рассмотрены как концептуальные коды, генетически вписанные в структуру сознания» языковой личности [10, с. 22].

В тексте «Фауст» встречается слово «Мэфистопул», которое также слабо мотивировано узуальными лексемами, разве что вспомнится гоголевский Фемистоклос из «Мертвых душ». А вот сочетание «ботинки зашмурую» имеет, кажется, народное происхождение. В словарях оно не зафиксировано, но в Интернете периодически встречается в значении «шлифовать» («шмуровать»). Слово «искуйство» из текста «Двое блатных обсуждают “Анну Каренину”» может быть соотнесено со словом «куй» (эдакое «пролетарское искусство»).

Яркими примерами народной этимологии являются два слова из «устного рассказа» «Имею право быть космонавтом». Первое из них – «центрифига»: обратим внимание на прозрачное соотношение последних звуков со словом «фига», имеющим оттенок пренебрежения.

¹В первую очередь речь идет о следующем издании: *Высоцкий В.* Сочинения: в 2 т. / сост., подг. текста и коммент. А.Е. Крылова. М., 1990.

²*Семин А.Б.* Владимир Высоцкий: устные рассказы // Горизонт. 2006. № 67. С. 1–15.

Слово «центр», хотя этимологически иноязычное, уже прочно вошло в народное сознание, поэтому не требует пояснений, а, соответственно, и изменений. А вот что такое «фуга», народу непонятно, поэтому Высоцкий создает двухкорневой «гибрид» по продуктивной модели, актуализируя второй лексический корень. Проще говоря, «центрифуга» – это «центральная фигура», или «фигура в центре». Слово «бардокамера» образовано сходным образом – оно явно соотносится со словом «бардак», причем здесь идет наложение корней: «бардак» и «камера».

Перейдем к песням. Уже упоминавшиеся «стервинги» («Я самый непьющий из всех мужиков...») есть внедрение слова «стерва» в звуковой облик британской валюты. В песне «Чем славится индийская культура?...» актер из Индии Радж Капур превращается в человека по фамилии Капюра. Здесь очевидны отсылки к слову «купюра» – иноязычному, но уже прочно вошедшему в сознание людских масс. А вот Капур звучал бы экзотично.

Вполне народноэтимологична и лексема «лизолятор» («Был побег на рыбок...»). Вот как объясняет ее происхождение В.П. Изотов: «Производящая база – “лизать, изолятор”. Способ образования – апокопа (отсекается сегмент -ать в слове лизать) в сочетании со слиянием и наложением (один из контаминационных способов)»³.

Соотносимы с народным словотворчеством и различные слова из песни «Дорогая передача! Во субботу, чуть не плача...»: «бермуторно», «бермутно», «бермуть». Они образованы от лексем «Бермуды», «бермудский». Понятно, что в данном случае речь идет об окказионализмах Высоцкого. Однако важно заметить, что народ и в самом деле мог попытаться понять и адаптировать слово «бермудский» посредством известных ему лексем. Смысл таких преобразований подробно разбирает В.П. Изотов⁴, поэтому

мы не будем на них подробно останавливаться. Лишь подчеркнем, что мотивирующими преобразования стали узуальные слова «муторно», «мутно», «муть» – все, кстати, с негативными коннотациями.

Лексема «велосипед» – именно в такой графической расшифровке – дана в рассматриваемых нами печатных сборниках Высоцкого⁵. Перед нами пример из ранней песни «У тебя глаза – как нож...». «Искривление» традиционного звукообраза здесь, возможно, связано с желанием автора мотивировать «велосипед» глаголом «вели» (от «вести»). В этом случае иноязычная лексема носителем русского языка действительно воспринимается как незаимствованная.

Примечательно слово «Бангладешт» («Я вчера закончил ковку...»), хотя оно и не мотивировано с точки зрения народной этимологии: перед нами просто привычная творчеству Высоцкого неразбериха – смесь топонимов «Будапешт» и «Бангладеш» (вспомним: «глаза бонять поднитя»). В.П. Изотов приводит также слово «Бунгладеж», которое могло войти в ту же песню (осталось в черновиках)⁶. Оно созвучно слову «бунгало», быть может, им и мотивировано, хотя для народного сознания это новообразование видится слишком экзотичным.

В песне «Она была в Париже» («Наверно, я погиб. Глаза закрою – вижу...»), для того чтобы гармонизировать рифму, Высоцкий использует интересное неграмматическое формобразование: «завтра будет в Осле» (имеется в виду г. Осло). Вероятно, здесь поэт подключает комические коннотации, придавая звуковому облику норвежской столицы нечто «ослиное».

По-лесковски создано слово «кошкелот» из «Алисы...». Мотивировка понятна: контаминация двух лексем и такой тип словообразования вполне укладываются в традицию народной этимологии. Непонятный «кашалот» мотивируется

³Изотов В.П. Окказионализмы В.С. Высоцкого. Опыт словаря. Орел, 1998. С. 39.

⁴Там же. С. 15–16.

⁵Речь идет о сборнике А.Е. Крылова: *Высоцкий В. Сочинения*: в 2 т. С. 29, а также В. Карелова: *Высоцкий В.С. Собрание сочинений* в одном томе. М., 2011. С. 18.

⁶Изотов В.П. Указ. соч. С. 18.

понятной «кошкой». А вот слово «кванталерист» – пример обратный. Здесь все наоборот: более понятное и распространенное слово «засоряется» научным термином.

Кроме того, на базе звучащих окказионализмов может возникнуть омофония, т. е. два графических прочтения одного звукообраза. Если в случае с узуальной лексемой реципиент имеет представление о ее корневом составе, то окказионализм часто является этимологической и денотативной загадкой. Например, в тех же «алисовских» текстах находим «крохей» («крахей»). Вот как сам поэт объясняет его происхождение («Песня про крохей»):

Название крохея – от слова «кроши»,
От слова «кряхти», и «крути», и «круши».
Девиз в этих матчах: «Круши, не жалеи!»
Дашь королевский крохей!

Обратим внимание на первые объяснительные слова: «кроши» (в корне буква «о») и «кряхти» (в корне – «я», имеющая понятную соотнесенность с «а»). Из «крахея», в частности, легко вычленил еще один корень – «крах», также не противоречащий контексту объяснительного отрывка⁷.

Непонятное иноязычие «шевелюра» у Высоцкого превращается в «лешевелюра». «Это “лешего шевелюра”». Окказионализм создан сочетанием апокопы (конечного усечения), наложения слов и слияния (этот способ представляет собой одну из конкретных разновидностей контаминации)», – отмечает В.П. Изотов⁸. Лексему «нетузиазм» он объясняет следующим образом: «Окказионализм образован метатезой – перестановкой звуков. Значение – “нездоровый энтузиазм”»⁹. Мы бы здесь обратили внимание на отчетливое «нету», которое может быть равносильно приставке «псевдо»: нетузиазм как псевдоэнтузиазм.

В песне «Про Джеймса Бонда...» («Себя от надоевшей славы спрятав...») появляется словосочетание «последние штаны и пинджак»

(именно так интересная нам фоногруппа эксплицируется в большинстве печатных источников). Между тем по аудиозаписям не так просто определить, используется этот странный вариант или другой – «пинжак», более близкий к традиционно приводимому в литературе о народной этимологии «спинжаку» (восходящему в массовом сознании к слову «спина»).

Подводя итоги, отметим, что большинство рассмотренных песен имеет ролевого героя, а значит, вполне соотносимо со «сказом». Среди примеров народной этимологии, используемой Высоцким в «устных рассказах» и песнях, есть как чисто фонетические изменения, на первый взгляд не имеющие далеко идущих семантических последствий, так и примеры глубокого погружения в этимологические контексты. То есть некоторые новообразования Высоцкого выполнены вполне по-лесковски и могут быть реальными фактами народной этимологии («бардакамера», «Капюра», «стервинги», «лизолятор», «центрифига»). Другие примеры больше похожи на литературную игру («квантелиристы», «крохей», «бермуторно»), хотя также могут быть порождением народной словесной стихии. Третьи можно назвать «ролевыми» окказионализмами: здесь изменения скорее связаны с желанием автора (от лица ролевого героя) «поиграть в слова» («Мефисто-пул», «офисиант», «искуйство»).

Текстологам Высоцкого еще только предстоит разобраться, как на бумаге передавать бесконечное множество звуковых фактов, свойственных живому выступлению поэта. Некоторые его тексты приобретают совсем иное семантическое звучание за счет изменений артикуляции и множества разнообразных звуковых фактов, которые могут влиять на субъективную сферу, смыслообразование, ритмообразование, рифмообразование и т. д. Эта проблема нам кажется одной из самых малоизученных в текстологии Высоцкого.

⁷Другую трактовку данного окказионализма см.: [11, с. 215–217].

⁸Изотов В.П. Указ. соч. С. 39.

⁹Там же. С. 48.

Список литературы

1. Чуковский К.И. От двух до пяти. URL: <http://materinstvo.ru/art/2530> (дата обращения: 02.05.2017).
2. Эйхенбаум Б.М. «Чрезмерный» писатель (к 100-летию со дня рождения Н.С. Лескова) // Эйхенбаум Б.М. О прозе: сб. ст. Л., 1969. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/193-b-ejkhnenbaum-chrezmernyj-pisatel> (дата обращения: 02.05.2017).
3. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 42–54.
4. Антошин Н.С. Народный юмор и народная этимология в произведениях Н.С. Лескова // Науч. зап. Ужгород. гос. ун-та. Ист.-фил. серия. 1952. Т. 4. С. 25–36.
5. Горелов А.А. Лесков и народная культура: моногр. Л., 1988. 294 с.
6. Дыханова Б.С. В зеркалах устного слова (Народное самосознание и его стилевое воплощение в поэтике Н.С. Лескова). Воронеж, 1995. 174 с.
7. Скобелев В.П. Сказовый элемент в поэзии Высоцкого // Творчество Владимира Высоцкого в контексте художественной культуры XX века: сб. ст. Самара, 2001. С. 30–43.
8. Дыханова Б.С. Сказовые традиции в поэзии В. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исслед. и материалы 2007–2009 гг.: сб. науч. тр. Воронеж, 2009. С. 3–8.
9. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. К методологии изучения поэтической семантики акмеизма // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. Т. 2, № 1(23). С. 217–222.
10. Иванов Д.И. Вербальный компонент синтетической языковой личности: специфика функционирования концептуальных фраз // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 19–24.
11. Изотов В.П. Новые слова Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы: альм. М., 1997. Вып. 1. С. 207–222.

References

1. Chukovskiy K.I. *Ot dvukh do pyati* [From Two to Five]. Available at: <http://materinstvo.ru/art/2530> (accessed 2 May 2017).
2. Eykhenbaum B.M. “Chrezmernyy” pisatel’ (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya N.S. Leskova) [An “Excessive” Writer (to the 100th Birthday Anniversary of N.S. Leskov)]. Eykhenbaum B.M. *O proze* [On Prose]. Leningrad, 1969. Available at: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/seredina-xix-veka/193-b-ejkhnenbaum-chrezmernyj-pisatel> (accessed 2 May 2017).
3. Vinogradov V.V. Problema skaza v stilistike [The Problem of Skaz Narrative in Stylistics]. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected Works. On the Language of Artistic Prose]. Moscow, 1980, pp. 42–54.
4. Antoshin N.S. Narodnyy yumor i narodnaya etimologiya v proizvedeniyakh N.S. Leskova [Folk Humour and Folk Etymology in the Works of N.S. Leskov]. *Nauchnye zapiski Uzhgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriko-filologicheskaya seriya*, 1952, vol. 4, pp. 25–36.
5. Gorelov A.A. *Leskov i narodnaya kul'tura* [Leskov and Folk Culture]. Leningrad, 1988. 294 p.
6. Dykhanova B.S. *V zerkalakh ustnogo slova (Narodnoe samosoznanie i ego stilevoe voploshchenie v poetike N.S. Leskova)* [In the Mirrors of the Oral Word (Ethnic Self-Consciousness and Its Stylistic Embodiment in N.S. Leskov’s Poetics)]. Voronezh, 1995. 174 p.
7. Skobelev V.P. Skazovyy element v poezii Vysotskogo [The Element of Skaz Narrative in Vysotsky’s Poetry]. *Tvorchestvo Vladimira Vysotskogo v kontekste khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [Vladimir Vysotsky’s Oeuvre in the Context of Twentieth-Century Artistic Culture]. Samara, 2001, pp. 30–43.
8. Dykhanova B.S. Skazovye traditsii v poezii V. Vysotskogo [The Traditions of Skaz Narrative in V. Vysotsky’s Poetry]. *Vladimir Vysotskiy: issled. i materialy 2007–2009 gg.* [Vladimir Vysotsky: Research and Materials 2007–2009]. Voronezh, 2009, pp. 3–8.

9. Kikhney L.G., Merkel' E.V. K metodologii izucheniya poeticheskoy semantiki akmeizma [On the Methodology of Studying the Poetic Semantics of Acmeism]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 217–222.

10. Ivanov D.I. Verbal'nyy komponent sinteticheskoy yazykovoy lichnosti: spetsifika funktsionirovaniya kontseptual'nykh fraz [Verbal Component of the Synthetic Language Personality: The Specifics of Functioning of Conceptual Phrases]. *Mir russkogo slova*, 2013, no. 2, pp. 19–24.

11. Izotov V.P. Novye slova Vladimira Vysotskogo [New Words of Vladimir Vysotsky]. *Mir Vysotskogo: issledovaniya i materialy* [The World of Vysotsky: Research and Materials]. Moscow, 1997. Iss. 1, pp. 207–222.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.103

Vitaliy A. Gavrikov

Bryansk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
ul. Gor'kogo 18, Bryansk, 241050, Russian Federation;
e-mail: yarosvettt@mail.ru

LESKOV'S TRADITIONS OF FOLK ETYMOLOGY IN VLADIMIR VYSOTSKY'S OEUVRE

Popular, or folk, etymology is often used in literature to create a character's image. For instance, Nikolay Leskov's works are full of examples of folk etymology: words from the popular speech imitate features of oral statements. In the 20th century, this phenomenon was actively used by Vladimir Vysotsky – one of the brightest singer-songwriters. In many respects this was due to his special poetics, as he performed his songs on stage and his lyrics was often dialogical and role-based. The article studies Vysotsky's use of words related to folk etymology as well as phenomena close to it. He utilizes productive models of transformation of foreign words using three ways of changing lexemes: modification of the sound image without semantic potencies, use of folk etymology proper, and creation of occasionalisms based on foreign words. In most cases, words related to folk etymology are found in Vysotsky's songs of the skaz narrative type: here, the speech characteristics of a character are used to create a subject superstructure. However, sometimes he turns to folk-etymology in other contexts: in fairy tales and works where the Lyric Self is biographically close to the author. An important problem is the reflection of folk-etymological changes in lexemes in publishing practice. Vysotsky's textology has not yet developed any clear criteria for including speech peculiarities (i.e., sound facts) in, or excluding them from, the printed collections of his concert performances.

Keywords: *Vladimir Vysotsky, Nikolay Leskov, Vysotsky's textology, folk etymology, nonce words, skaz narrative, oral story.*

Поступила: 06.07.2016
Received: 6 July 2016

For citation: Gavrikov V.A. Leskov's Traditions of Folk Etymology in Vladimir Vysotsky's Oeuvre. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 3, pp. 103–110. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.103